

610

1357

М. Бречкевичъ.

СВЯТОПОЛКЪ,

князь Поморскій.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1902.

Изъ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ
Юрьевскомъ Университетѣ. Т. V.

Святополкъ, князь Поморскій.

Средневѣковые писатели именемъ Поморья (Pomernia, Maritima) обозначали всю приморскую страну отъ Вислы до Одры. На этомъ пространствѣ очень рано замѣчается вслѣдствіе историческихъ условій раздвоеніе между восточною и западною частью, между Поморьемъ привислинскимъ и Поморьемъ у рѣки Одры. Однако въ то время, когда и западная и восточная части образовали два отдѣльные государства, каждое изъ этихъ государствъ называло себя Поморьемъ, безъ какого либо дальнѣйшаго опредѣленія. Князья западно-поморскіе называли себя, впрочемъ, иногда князьями Славянъ и Кашубинъ, но для восточнаго Поморья иного названія не существовало.

Восточное Поморье обнимало лѣвобережную часть нынѣшней прусской провинціи Западной Пруссіи (Westpreussen) и сѣверо-восточный уголокъ провинціи Помераніи (Pommern). Страна эта дѣлается извѣстною въ исторіи довольно поздно. Вѣтвь яншскаго племени, населявшая ее, вмѣстѣ съ своими южными и западными соплеменниками въ концѣ X в. вошла въ составъ недавно образовавшагося польскаго королевства. Послѣ краткаго упоминанія о посѣщеніи въ 997 г. Гданска (нынѣ Данцига) св. Войтѣхомъ въ теченіе затѣмъ всего XI в. въ письменныхъ памятникахъ почти не встрѣчается упоминанія о Восточномъ Поморьѣ; рассказы польскихъ лѣтописцевъ о неоднократныхъ возстаніяхъ поморянъ и попыткахъ со

стороны польскихъ князей къ усмирению относятся къ Западнему Поморью. Восточное Поморье по своей малонаселенности, а также вслѣдствіе близости къ предѣламъ собственной Польши, обнаруживало менѣе попытокъ высвободиться изъ-подъ власти польскихъ государей. Но когда Польша по смерти Болеслава Кривоустаго († 1139) распалась на удѣлы, и когда удѣльные князья стали враждовать другъ съ другомъ, обѣ части Поморья почувствовали себя свободнѣе. Еще при жизни Болеслава Кривоустаго мелкіе князья въ разныхъ мѣстахъ Поморья оказывали сопротивленіе польской власти; но если Болеславу удавалось ихъ усмирять, то это было уже не подъ силу его преемникамъ, занятымъ своими внутренними распрями. Во второй половинѣ XII в. въ Восточномъ Поморьѣ подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ совершался процессъ постепеннаго высвобожденія населенія изъ-подъ власти польскихъ князей. Страна эта однако не сразу образовала одно государство; въ концѣ XII в. здѣсь существовало нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга княжествъ¹⁾. Гданской княжеской династіи удалось объединить подъ своею властію разрозненныя части Восточнаго Поморья. Источники однако не даютъ ясныхъ указаній на то, какимъ путемъ шло это объединеніе. Неизвѣстно также и происхожденіе Гданской династіи. Гипотеза о родствѣ ея съ западно-поморскимъ княжескимъ домомъ, высказанная еще въ концѣ XVIII в. нѣмецкими изслѣдователями, не имѣетъ никакой доказательной силы. Бѣльшаго вниманія и обсуждения заслуживаетъ мнѣніе польскихъ историковъ, такъ какъ оно имѣетъ за себя нѣкоторыя данныя въ источникахъ. По этому мнѣнію, Гданскіе князья XIII в. — польскіе чиновники, намѣстники польскихъ князей въ Поморьѣ, нарушившіе свои вѣрноподданическія обязанности.

1) Одна изъ грамотъ, относящаяся къ 1198 г., имѣетъ такое характерное начало: *Ego Grimizlaus qualiscunque unus de principibus Pomoranie . . . Pommerellisches Urkundenbuch, bearbeit. von Perlbach, Ianzig, 1882, № 9, p. 6.*

Изъ источниковъ лѣтописнаго характера, имѣющихъ значеніе для разсматриваемаго вопроса, первое мѣсто принадлежитъ хроникѣ Кадлубка († 1223), потомъ — Богухвала († 1253) и наконецъ Польской Исторіи Длугоша († 1480). Свидѣтельства названныхъ писателей касаются князей Самбора и Святополка. О Самборѣ Кадлубекъ и Богухвалъ сообщаютъ, что онъ былъ племянникомъ Сирона, опекуна одного изъ малолѣтнихъ польскихъ князей¹⁾, и что его польскій князь Казимиръ Справедливый назначилъ Гданскимъ маркграфомъ²⁾. По разсказу Богухвала, спустя лѣтъ 25—30 сынъ Казимира Справедливаго Лѣшко Бѣлый лично посѣтилъ Поморье; будучи принять здѣсь съ большимъ почетомъ, онъ назначилъ своимъ намѣстникомъ Святополка, оказавшагося впоследствии вѣроломнымъ³⁾. — Длугошъ сообщаетъ гораздо больше, чѣмъ Кадлубекъ и Богухвалъ; онъ пространно разсуждаетъ о причинахъ, побудившихъ польскаго князя назначить для Поморья особаго намѣстника, входитъ въ подробности при изложеніи посѣщенія Поморья Лѣшкомъ Бѣлымъ и т. п.⁴⁾. Но разсказы этого историка, жившаго болѣе чѣмъ два столѣтія спустя послѣ излагаемыхъ событій, въ высшей степени подозрительны.

Обсуждая свидѣтельства Кадлубка и Богухвала, можно

1) Лѣшка, сына Болеслава Кудряваго.

2) Vincentii Kadlubek Chronica Polonorum, lib. IV, cap. 8 (Monumenta Poloniae historica, T. II, p. 397): Lestconi provincias paterni relictas testamento confirmat, praesidi earum omnibus praedito virtutibus principi Sironi ejus curam committit; ejusdem Sironis nepote Samborio Gedanensi marchia instituto. Boguphali Chron. Polon., cap. 35 (Mon. Pol., II, p. 530).

3) Boguph. Chr., c. 56 (Mon. Pol., II, p. 553): Lestko dux Albus Pomoriam intrat, ibique ab omnibus maritimum proceribus, tanquam eorum legitimus princeps et dominus honorifice est susceptus et magnifice pertractatus. Negotiis quoque rite et provide ordinatis, statuit loco sui capitaneum Swantopelkonem nomine, virum potentem et strenuum, sed domino suo minime fidelem.

4) Dlugossi Hist. Polon., lib. VI, pag. 538; lib. VI, p. 609—610; lib. VI, p. 635—638.

признать вѣрною ту мысль, что поморскіе князья само-вольно отложились отъ Польши и образовали свое государство; иначе, конечно, и быть не могло. Нѣтъ также достаточныхъ основаній для того, чтобы сомнѣваться въ почтительномъ приѣмѣ, какой встрѣтилъ Лѣшко Бѣлый въ Поморьѣ. Однако къ разсказу о назначеніи Самбора, Мстивоя (по Длугошу) и Святополка намѣстниками слѣдуетъ относиться съ осторожностію. По смыслу его, выборъ на должность польскаго намѣстника въ Поморьѣ всецѣло зависѣлъ отъ личнаго усмотрѣнія польскихъ князей; такъ дѣйствительно и принимаетъ Длугош¹⁾, а за нимъ и позднѣйшіе польскіе историки.

Противъ такого взгляда отчасти уже говоритъ его внутренняя неясность: возможность для польскихъ князей произвольнаго выбора изъ среды „вельможъ, графовъ и пановъ, одинаково славныхъ и знаменитыхъ“¹⁾ предполагала бы въ случаѣ какого либо неповиновенія такую же возможность замѣщенія одного намѣстника другимъ, чего однако не происходило. Но особенно цѣнны въ данномъ случаѣ указанія нѣсколькихъ сохранившихся отъ того времени грамотъ. Изъ нихъ видно, что поморскіе владѣтели конца XII и начала XIII в. имѣли верховныя права въ своей области, и нигдѣ ни однимъ словомъ не говорится въ нихъ о какихъ либо полномочіяхъ со стороны польскихъ князей. Поморскіе владѣтели дѣлаютъ пожалованія въ предѣлахъ своей территоріи разнымъ церковнымъ учрежденіямъ, распоряжаются взиманіемъ податей и отбываніемъ повинностей и т. п.²⁾ Польскіе историки придаютъ этимъ верховнымъ правителямъ Поморья такія названія: *capitanei*, *marchiones*, *praefecti*, *praesides*, наконецъ позднѣе — *wielkorzący*, но грамоты не знаютъ ни одного

1) Lib. VI, p. 609—610: *Swantopelkoni . . . principatum in Pomerania confirmat, neglectis aliis principibus, comitibus et baronibus, aequae claris et insignibus.*

2) P. U., № 6, p. 4 (грам. Самбора Оливск. монастырю): *libertatem . . . de omni exactione et expeditione perpetuam damus.*

изъ этихъ названій. Гданскіе владѣтели Самборъ, его братъ Мстивой, швецкій Гремиславъ усвояютъ себѣ въ грамотахъ княжескій титулъ: „*princeps*“¹⁾, иногда даже съ прибавленіемъ: „*Божією милостію*“²⁾; свои владѣнія они называютъ своею собственностью, перешедшею къ нимъ отъ отцовъ³⁾, дѣдовъ и прадѣдовъ⁴⁾; самое нахожденіе ихъ у власти обозначается словомъ „*gegnaige*“⁵⁾, что указываетъ на власть независимаго государя, а не намѣстника. Какъ государямъ, Гданскимъ владѣтелямъ усвояется наряду съ титуломъ *princeps* и другой, обычный у польскихъ и западно-поморскихъ князей, именно: „*dux*“, усвояется притомъ на польской территоріи въ присутствіи цѣлаго собора высшаго польскаго духовенства⁶⁾, и наконецъ — самимъ папою⁷⁾.

Сопоставленіе грамотъ, этого наилучшаго источника для исторіи того времени, съ извѣстіями польскихъ хроникъ и историковъ особенно важно, такъ какъ только такимъ путемъ можно придти къ надежнымъ выводамъ. Кадлубекъ, самый ранній писатель (загрогивающій инте-

1) Гр. 1178, 1198, 1209 г. и слѣд. годовъ. Р. У., №№ 6, 9, 14, р. 4, 6, 12.

2) Р. У., № 14, р. 12 (гр. 1202): *Ego Mestwinus dei gratia princeps in Danzk.*

3) Р. У., № 6, р. 4 (гр. Самбора 1178 г.): *in loco, qui Olyva dicitur, constructo in mea propria possessione, que mihi evenit de paterna hereditate.*

4) Р. У., № 9, р. 7 (гр. Гремислава 1198 г.): *de propria hereditate mea ab avis et atavis meis mihi relicta dedi . . . castrum meum Starigrod.*

5) Р. У., № 18, р. 17 (слова Святополка въ грам. около 1220 г.): *mortuo enim Samborio frater pro fratre pater meus scilicet Mistwi cepit regnare.*

6) Въ грамотѣ Винцентія, еписк. Краковскаго, поименованы въ качествѣ свидѣтелей: *Henricus, archiepiscopus Polonorum, Hethcho, episc. Plocensis, Ogerus, episc. Cuiauiensis, dominus Mystiuu dux Pomoranie.* Р. У., № 15, р. 14.

7) Р. У., № 16, р. 14 (гр. Иннокентія III): *nobilibus viris ducibus Polonie et Pomeranie.*

ресующій насъ вопросъ), даетъ о намѣстничествѣ въ Поморьѣ только одно прямое извѣстіе; Богухваль, жившій нѣсколько позже, даетъ ихъ уже два, а у Длугоша имѣется связанный, обстоятельный, изобилующій подробностями рассказъ. Понятно то патріотическое чувство, которое заставляло польскихъ историковъ смотрѣть на Поморье начала XIII в., какъ на составную часть Польши (чѣмъ Поморье нѣкогда и было), и въ этомъ духѣ — говорить о Поморскихъ событіяхъ. Но благодаря именно грамотамъ есть возможность освободить достовѣрный фактъ отъ позднѣйшихъ наслоеній; онѣ заставляютъ даже раннія извѣстія Кадлубка и Богухвала о назначеніи поморскихъ правителей понимать въ условномъ смыслѣ. Поморскіе владѣтели конца XII и начала XIII в. фактически были независимыми князьями, и ослабленіе польскаго государства вслѣдствіе распаденія его на удѣлы, междоусобій, а также пораженія со стороны пруссовъ (1167 г.) было причиною, почему польскіе князья не выступали съ вооруженною силою (какъ нѣкогда дѣлалъ Болеславъ Кривоустый) противъ свободолюбивыхъ поморскихъ владѣтелей. Польскимъ князьямъ приходилось поневолѣ мириться съ образованіемъ въ Поморьѣ самостоятельныхъ княжествъ, правители которыхъ основывали свои княжескія права на принципѣ наслѣдованія, а не на какихъ либо стороннихъ полномочіяхъ. Наслѣдственный переходъ княжескихъ владѣній въ средѣ членовъ семьи, о которомъ свидѣлствуютъ грамоты, придаетъ иной смыслъ польскимъ извѣстіямъ и служитъ наиболѣе сильнымъ аргументомъ въ пользу предположенія о туземномъ происхожденіи Гданской династіи. Поморскіе князья не отказывали во внѣшнихъ знакахъ уваженія своимъ польскимъ сосѣдямъ, какъ это могло быть, напр., при посѣщеніи Поморья Лѣшкомъ Бѣлымъ; но стремясь поддержать мирныя отношенія къ своимъ южнымъ сосѣдямъ, они были осторожны и въ случаѣ нужды готовы были дать отпоръ, если бы поляки проявили какія-либо воинственныя притя-

занія¹⁾. Пока такія притязанія не обнаруживались, между сосѣдями были внолнѣ мирныя отношенія: польскіе князья посѣщали Поморье, поморскіе бывали въ предѣлахъ Польши, выступали въ грамотахъ въ качествѣ свидѣтелей наряду съ польскими князьями, видимо, впрочемъ, уступая имъ первое мѣсто и даже отличаясь отъ нихъ титуломъ²⁾.

Когда же польскіе князья задумывали силой или хитростію подчинить своей власти поморскаго князя, они наталкивались на самое рѣшительное сопротивленіе. Такъ именно было уже по исходѣ первой четверти XIII в. Въ 1227 г. польскіе князья: Лѣшко Краковскій, Конрадъ Мазовецкій, Владиславъ Тонконогіи, Владиславъ Одоничъ и Генрихъ Бородатый (Силезскій) собрались въ день Мартина (11 ноября) въ Гонзавѣ³⁾ какъ бы для того, чтобы уладить раздоръ между двумя Владиславами, но въ сущности желая захватить врасплохъ Святополка, князя Поморскаго. Святополкъ узналъ объ опасности отъ Владислава Одонича, женатаго на его сестрѣ, и рѣшилъ предупредить враговъ. 14 ноября онъ сдѣлалъ внезапное нападеніе на Гонзаву. Лѣшко, бывший въ это время въ банѣ съ Генрихомъ Силезскимъ, едва успѣлъ вскочить на коня, но былъ убитъ во время бѣгства. Остальнымъ удалось спастись. — Гонзавское дѣло съ совершенною очевидностію обнаружило, предъ польскими князьями рѣшительное стремленіе поморянъ къ независимости и достаточно сильныя средства для ея отстаиванія. Если доселѣ была какая

1) P. U., № 18, p. 17 (гр. Святополка Оливскому монастырю ок. 1220 г.): *Si pagani seu Poloni hanc terram temptaverint invadere, tam monachorum quam aliorum homines tenentur hostibus resistere et patriam defendere. Testes: . . . Wartizlaus, Samborius et Ratiborius, fratres mei . . .*

2) P. U., № 20, p. 18 (гр. Христіана, еписк. Прусскаго 1223 г.): *testimonio . . . illustrium ducum Lestkonis Polonie, Conradi Mazouie et Cuiaue, Henrici Zlesie, Zuetopolci et Wratizlai principum Pomoranie.*

3) Гонзава — въ нынѣшней провинці Познани.

неопредѣленность въ отношеніяхъ къ Польшѣ, то теперь она разрѣшалась въ пользу Поморья, какъ независимаго государства.

Освободившись надолго отъ притязаній польскихъ князей и представляя изъ себя вполне самостоятельное государство, Поморье въ церковномъ отношеніи все-таки было тѣсно связано съ Польшей. Оно никогда, даже въ расцвѣтъ своей національной жизни, не имѣло своего собственнаго епископа; почти вся область Восточнаго Поморья въ сороковыхъ годахъ XII в. отнесена папами къ епархіи Куявскаго епископа (въ Польшѣ)¹). Время распространенія христіанства точно неизвѣстно. Ни миссія св. Войтѣха (конца X в.), ни миссія Оттона Бамбергскаго (двадцатыхъ годовъ XII в.) Восточнаго Поморья не коснулись. Поморяне, по преданію, издавна съ жадностію ловившіе слово евангельской истины²), не имѣли своего апостола; только закрѣпленіе поборовъ съ одной части страны въ пользу епископа Каменскаго и съ другой, ббльшей, — въ пользу епископа Куявскаго даетъ основаніе заключать объ усвоеніи населеніемъ христіанства. Для утвержденія христіанства имѣло большое значеніе основаніе Оливскаго монастыря (къ сѣв. отъ Гданска) ордена цистерціанцевъ. Основателемъ этого монастыря Оливская хроника называетъ Собе-слава, но тутъ же признаетъ, что о немъ сохранилось лишь крайне смутное воспоминаніе³). По преданію это былъ первый князь, принявшій христіанство⁴). Двухъ

1) Грам. папъ: Иннокентія II (1140 г.) и Евгенія III (1148). P. U., № 1 и 2, p. 1—2

2) *Legenda de s. Adalberto episcopo*, cap. 12. *Miracula s. Adalberti*, cap. 5.

3) *Chronica Olivensis*, cap. I (Monum. Polon., VI, p. 310): *primus monasterii Olyvensis fundator creditur fuisse Sobeslaus, cujus memoria non bene potest haberi.*

4) *Tabula prima fundatorum* (Mon. Pol. VI, p. 351): *de hoc principe nihil aliud in chronicis invenitur; traditur primus inter duces Pomoranie fidem catholicam suscepisse.*

князей поморских — Самбора и Мстивоя, уже известной истории по грамотамъ, та же хроника называетъ сыновьями Собеслава¹⁾. Братья оставили память о себѣ, какъ о благотворителяхъ церкви: Самборъ пожаловалъ Оливскому монастырю семь деревень, предоставивъ ему кромѣ того разныя привилегіи²⁾, Мстивой — девять деревень Суковскому женскому монастырю ордена премонстрантовъ³⁾. Преданность князей интересамъ церкви и христіанства не ограничивалась этимъ. Мстивой содѣйствовалъ стараніямъ польскихъ князей обратить пруссовъ въ христіанство; чрезмѣрное усердіе князей въ насажденіи христіанства и особенно — въ наложеніи сопряженныхъ съ нимъ повинностей было такъ тягостно для новообращенныхъ, что вызвало со стороны папы (Иннокентія III) предостереженіе и увѣщаніе къ болѣе мягкому обращенію⁴⁾.

Старшій сынъ Мстивоя Святополкъ, наслѣдовавшій отцу не позже 1220 г., съ первыхъ же лѣтъ своего княженія также выказывалъ свою преданность церкви; это видно изъ его жалованныхъ грамотъ монастырямъ⁵⁾, изъ покровительства монахамъ доминиканскаго ордена, прибывшимъ съ миссіонерскою цѣлью⁶⁾ и особенно — изъ его содѣйствія крестоносцамъ. Поддержку и защиту нашелъ въ Святополкѣ вновь учрежденный для борьбы съ

1) *Hic post se reliquit duos filios Mistwugium et Zamborium.*

2) Грам. 1178 г., P. U., № 6, p. 4—5.

3) Грам. 1209 г., P. U., № 14, p. 12—13.

4) P. U., № 16, p. 15 (грам. 1212 г.): *rogamus et exhortamur . . . quatenus . . . hujusmodi novelle plantationis filios non gravetis, sed agatis tanto clementius cum eisdem, quanto memoria pristina conversationis infirmi facilius in antiquum relaberentur errorem.*

5) Ок. 1220 г. — Оливскому монастырю. P. U., № 18, p. 17—18. 1224 г. — тому же монастырю. *Ib.*, № 25, p. 21—22. Ок. 1224 г. — Суковскому монастырю. *Ib.*, № 26, p. 22—23.

6) P. U., № 35, p. 31 (булла папы Григорія IX отъ 1227 г.): *Letati sumus in domino super fide ac devotione nobilis viri Svantopolk principis de Gdansk et fratrum suorum, qui . . . locum in terra sua pro paganorum conversione dederunt fratribus ordinis predicatorum.*

литовцами-язычниками орденъ Христовыхъ рыцарей (*milites Christi*)¹⁾. Самую дѣятельную помощь оказаль Святополкъ появившимся въ 1230 г. на берегахъ Вислы рыцарямъ Тевтонскаго ордена, сыгравшаго впоследствіи столь важную и столь роковую роль въ исторіи поморскихъ и польскихъ славянъ; орденъ этотъ былъ призванъ Конрадомъ, княземъ Мазовецкимъ, для борьбы съ пруссами-язычниками и получилъ во владѣніе Хельминскую (Кульмскую) землю. Въ 1233 г. осенью для подкрѣпленія рыцарей двинулось крестоносное ополченіе, и въ рядахъ его кромѣ князей польскихъ (Генриха Бородатаго, Конрада Мазовецкаго, Казимира Куявскаго, Владислава Одонича) находился также Святополкъ и его братъ Самборъ. Битва съ пруссами произошла у р. Сиргуна (нынѣ *Sorge*); она была неудачна для пруссовъ; они не могли даже спастись бѣгствомъ, такъ какъ Святополкъ и Самборъ съ своими отрядами отрѣзали имъ путь къ отступленію²⁾. Однако умѣлая помощь, оказанная поморскими князьями Тевтонскому ордену, навлекла на Поморье месть язычниковъ: пруссы перешли черезъ Ногать и Вислу и сильно опустошили Поморье³⁾.

Святополкъ искренно и дружелюбно содѣйствовалъ цѣли крестоноснаго ополченія среди пруссовъ, раздѣляя обычный въ то время взглядъ на богоугдность даже насильственнаго обращенія въ христіанство; отсюда — его походъ на язычниковъ и защита крестоносцевъ иногда не безъ ущерба для собственныхъ интересовъ. Однако во 2-й половинѣ тридцатыхъ годовъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ совмѣстнаго съ рыцарями похода замѣчается явный разладъ

1) P. U., № 38, p. 33 (гр. Святополка около 1228): *concessimus Christi militibus . . . . . ubique venerint in terra nostra omnimodam libertatem. Nullus audeat sive in terra sive in aqua eis nocere.*

2) *Exordium ordinis cruciferorum*, cap. 10 (Monum. Polon., VI, p. 295—296). *Petri de Dusburg, Chronica terre Prussie, pars III, cap. 10—11 (Scriptores rerum prussicarum, Leipzig, 1861, p. 57—58).*

3) *Exord. ord. crucif.*, cap. 11 (Mon. Pol., VI, p. 296).

между Святополкомъ и Тевтонскимъ орденомъ. Въ согласіи съ Тевтонскимъ орденомъ и противъ Святополка дѣйствуютъ также и младшіе братья Святополка — Самборъ, князь Любешовскій, и Ратиборъ Бѣлградскій. Между Святополкомъ и этими его врагами, внутренними и вѣшними, возгорается упорная борьба, которая затихаетъ только къ концу его княженія. Причины враждебныхъ отношеній младшихъ братьевъ къ старшему, а также борьбы Святополка съ Тевтонскимъ орденомъ, недостаточно ясно указываются источниками.

При разсмотрѣніи отношеній между братьями слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду письмо Святополка къ папскому легату Іакову, въ которомъ Святополкъ оправдываетъ свое поведеніе по отношенію къ братьямъ, доказывая преступность ихъ, особенно Самбора¹⁾. Здѣсь указываются факты, изъ которыхъ обнаруживается неблаговидный образъ дѣйствій Самбора и Ратибора, предательскій по отношенію къ Святополку и вредный для всего Поморья. Вполнѣ возможно, что Святополкъ, будучи самъ заинтересованъ въ дѣлѣ, придалъ своему показанію односторонній характеръ; но врядъ ли слѣдуетъ отвергать достовѣрность фактовъ, на которые онъ указываетъ открыто предъ всѣми своими современниками. Самборъ стоялъ въ тѣсной интимной („противоестественной“ по выраженію одного нѣмецкаго ученаго)²⁾ связи съ Тевтонскимъ орденомъ и дѣйствительно нанесъ много вреда Поморью — не войною только, но главнымъ образомъ тѣмъ, что открылъ въ Поморье доступъ Тевтонскому ордену, который и началъ вслѣдъ затѣмъ отторгать у поморянъ одну область за другою. Святополка очень возмущало предательское поведеніе

1) 1248 г. P. U., № 113, р. 100—102. Это письмо будетъ приведено ниже.

2) Ewald, Die Eroberung Preussens durch die Deutschen, B. II, S. 325; B. III, S. 97.

Самбора, и наиболее энергично онъ дѣйствуетъ противъ младшаго брата именно тогда, когда получаетъ извѣстіе о печальныхъ (для блага государства) результатахъ политики послѣдняго ¹⁾. Самборъ и Ратиборъ были удѣльными князьями, и вооружаясь противъ старшаго брата въ союзъ съ иностранцами, они, повидимому, стремились къ совершенной равноправности и обособленности ²⁾.

Святополку не чуждо было сознание своего старшинства, и это вполне понятно; ему, какъ старшему сыну, Мстивой на смертномъ одрѣ далъ право опеки надъ братомъ. Святополку всегда былъ дорогъ завѣтъ и наслѣдіе покойнаго, поскольку онъ, Святополкъ, ограждалъ все Поморье отъ посягательства иноземцевъ. Но врядъ ли его можно было обвинить въ стремленіи къ совершенному лишенію братьевъ ихъ удѣловъ. Еще въ двадцатыхъ годахъ онъ предоставлялъ имъ спокойно владѣть ихъ областями; впоследствии если онъ и изгонялъ ихъ во время войны, вскорѣ затѣмъ возстановлялъ во власти и во владѣніяхъ, когда сколько нибудь могъ надѣяться на отсутствіе въ будущемъ съ ихъ стороны рѣзкой оппозиціи ³⁾. Но братья стремились къ совершенной самостоятельности; обще-поморская политика, предполагавшая верховное руководство старшаго брата, не находила въ нихъ никакого сочувствія. Отстаивая принципъ невмѣшательства въ ихъ отношенія, братья въ противовѣсъ стараніямъ Святополка упорно держались союза съ Тевтонскимъ орденомъ, и этотъ именно союзъ сильно осложнилъ и обострилъ междоусобную распрю.

1) Война вслѣдъ за уступкою Самборомъ ордену острова Сантира 1251 г. 7 декабря. P. U., № 134, p. 117.

2) P. U., № 114, p. 103 (гр. архидіакона Іакова, ставшаго посредникомъ въ распрѣ по просьбѣ младшихъ братьевъ, 1248 г.): *constat . . . fratres domini Swantopelci ducis . . . debere ei in portione hereditatis secundum terre consuetudinem pares esse.*

3) P. U., № 113, p. 102 (слова Святополка о Самборѣ 1248 г.): *ne se opponeret, ne meus adversarius esset.*

О причинахъ вражды Святополка къ Тевтонскому ордену въ Пруссіи также можно высказываться только предположительно. Главнымъ и наиболѣе подробнымъ источникомъ для изученія борьбы между Святополкомъ и Тевтонскимъ орденомъ является хроника Петра Дусбурга (первой четверти XIV в.). Но для затронутого вопроса этотъ источникъ, вообще не лишенный цѣнности, является очень ненадежнымъ. Вотъ какими чертами характеризуетъ Дусбурга издатель его хроники Максъ Тѣппенъ:

„Точка зрѣнія, съ которой Дусбургъ произноситъ сужденіе о событіяхъ, строго іерархическая. Онъ полонъ восхваленія и славословія по отношенію къ рыцарямъ Тевтонскаго ордена, такъ какъ они боролись за расширеніе церкви и этимъ исполняли волю Божію. Ихъ враги — враги Бога . . . . Особенно обильно раздражается ненависть и злоба автора противъ христіанскаго союзника пруссовъ — князя поморскаго Святополка; его называетъ онъ сыномъ нечестія и сыномъ гибели, сыномъ діавола . . . . Но не только іерархическія воззрѣнія автора привели его къ одностороннему и несправедливому сужденію: и въ другомъ смыслѣ онъ обнаруживаетъ себя партійнымъ, какъ приверженецъ ордена¹⁾. Въ его время занималъ всѣ умы споръ ордена съ Польшею изъ-за кульмской земли, — и онъ съ величайшимъ стараніемъ устранилъ все, что могло бы какъ нибудь указывать на право поляковъ на эту землю“²⁾ . . . .

Таково сужденіе Тѣппена о Дусбургѣ, и съ нимъ вполне можно согласиться. Понятно, что отъ Дусбурга нельзя ожидать безпристрастнаго изложенія обстоятельствъ, приведшихъ къ борьбѣ Святополка съ Тевтонскимъ орденомъ. По Дусбургу, Святополкъ внезапно, безъ всякаго

1) Онъ самъ въ санѣ священника входилъ въ составъ братьевъ ордена.

2) *Scriptores rerum prussicarum*, B. I, S. 8.

повода, началъ непріязненныя дѣйствія противъ ордена¹⁾; въ дѣйствительности, конечно, происходило иначе. Фойгтъ полагаетъ, что причиною вражды Святополка къ Тевтонскому ордену было быстрое усиленіе послѣдняго, особенно со времени его соединенія съ Ливонскимъ орденомъ; образованіе сильнаго государства на границахъ Поморья внушало опасеніе Святополку, и онъ всѣми мѣрами старался ослабить его²⁾. Эвальдъ не соглашается съ мнѣніемъ, что Святополкъ велъ войну по дальновиднымъ политическимъ мотивамъ; онъ ищетъ ближайшихъ причинъ въ пограничныхъ спорахъ и въ интимныхъ отношеніяхъ ордена къ Самбору³⁾.

Но почему пограничные споры у Поморскаго князя на востокъ привели къ столь упорной борьбѣ, продолжавшейся около 1½ десятка лѣтъ съ небольшими перерывами, тогда какъ на западѣ и югѣ, да и на томъ же востокѣ (до и послѣ Святополка) подобныя недоразумѣнія не вели за собой такихъ тяжелыхъ послѣдствій? Объясненія, кажется, слѣдуетъ искать въ характерахъ двухъ противниковъ — Святополка и Тевтонскаго ордена. Тевтонскій орденъ, основанный въ концѣ XII в., въ первыя же десятилѣтія своего существованія стремится къ пріобрѣтенію политическаго значенія въ Европѣ, и наиболѣе удобную почву для этого находитъ на берегахъ Вислы. Порабощая литовскія племена и овладѣвая ихъ территоріей, рыцари образовывали свое государство и упорно стремились къ расширенію своихъ владѣній по всѣмъ направленіямъ. Преслѣдуя свои политическія цѣли, орденъ при случаѣ не щадилъ и своихъ

1) Собственно онъ указываетъ на причину, но это служитъ только характеристикой его міровоззрѣнія: *Serpens antiquus, draco venenosus, humani generis inimicus . . . excitavit contra fidem et fidelium turbam persecucionem durissimam . . . Chron., pars III, c. 31.*

2) Voigt, *Geschichte Preussens*, B. II, S. 355—358. Подобнымъ же образомъ рассуждаетъ и Бартольдъ (*Geschichte von Rügen und Pommern*, B. II, S. 408).

3) *Die Eroberung Preussens durch die Deutschen*, B. II, S. 16.

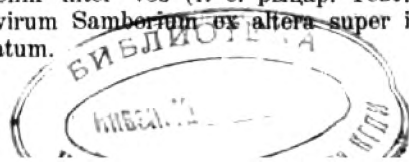

союзниковъ-христіанъ. Венгерскій король Андрей II, пригласившій этихъ рыцарей для защиты границъ своего государства отъ половцевъ, только съ большими усиліями избавился отъ нихъ (въ двадцатыхъ годахъ XIII в.). На берегахъ Вислы изъ христіанскихъ сосѣдей и союзниковъ ордена неудобства отъ рѣзко обозначавшихся политическихъ тенденцій его суждено было почувствовать прежде всего поморянамъ. Правда, Дусбургъ молчитъ объ этомъ, какъ и вообще обо всемъ, что выставляетъ орденъ въ невыгодномъ свѣтѣ; но фактъ остается фактомъ, ибо оправдывается исторіей второй половины XIII в., представляющей постепенное отторженіе орденомъ отъ Поморья одной области за другую. Относительно первой половины этого вѣка существуютъ лишь косвенныя указанія нѣкоторыхъ грамотъ. Третьскіе судьи дважды (1247 г. и 1248 г.) присуждаютъ земли у р. Туи¹⁾ поморскому князю²⁾. Оба раза это третейское рѣшеніе было произнесимо послѣ того, какъ Тевтонскій орденъ одерживалъ верхъ надъ Святополкомъ; отсюда съ большою вѣроятностію слѣдуетъ: 1) что права поморскаго князя на эти земли были неоспоримы и 2) что все-таки рыцари настойчиво стремились овладѣть этими землями³⁾. Для Тевтонскаго ордена, сумѣвшаго на глазахъ одного только поколѣнія овладѣть значительною территоріей, не существовало такого рода нормальныхъ границъ, которыя обыкновенно принимаются (хотя бы приблизительно) для народа, издавна осѣвшаго на извѣстной землѣ. Ры-

1) Tuia = Tiege, впадаетъ въ Фришгафъ.

2) P. U., № 96, p. 82 (гр. архіеписк. Гнѣзненскаго Фулькона и еписк. Кульмск. Гейденриха 1247 г. 25 окт.): fratres cedent duci predicto de arenis et Nerei a Tuia usque Samzicni. Грам. архидіакона Іакова 1248 г. 24 ноября. Pommerell. U., № 111, p. 97.

3) О посягательствѣ ордена на о. Сантирь (области Самбора) до 1248 года есть указаніе въ буллѣ папы Григорія X 1275 г. (P. U., № 268, p. 222): olim inter vos (т. е. рыцар. Тевт. ордена) ex una parte et nobilem virum Samborium ex altera super insula de Santir fuisset diutius litigatum.

цари, сильные своею сплоченностью и подкрѣпляемые толпами набожныхъ крестоносцевъ изъ разныхъ странъ, послѣдовательно и неудержимо стремились къ расширенію своихъ владѣній, цѣлко удерживая въ своихъ рукахъ разъ захваченное. Такая политика по отношенію къ язычникамъ-литовцамъ могла, конечно, въ то время считаться дѣломъ богоугоднымъ; но въ примѣненіи къ христіанамъ и вчерашнимъ союзникамъ ордена она естественно вызвала реакцію, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ, кто чувствовалъ себя затронутымъ ею.

Для Тевтонскаго ордена въ Пруссіи важно было пріобрѣсти нижнее теченіе Вислы съ обоими берегами, и рыцари, преслѣдуя изъ поколѣнія въ поколѣніе свою традиціонную политику, въ послѣдствіи разными средствами достигли этой цѣли; въ описываемое время, въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ XIII в., орденъ, конечно, еще не могъ разсчитывать на присоединеніе Поморья; но и тѣ недоразумѣнія, какія происходили у Поморья съ орденомъ изъ-за сравнительно небольшихъ областей, достаточно ясно указывали Святополку на разницу между прежними сосѣдями по Вислѣ — пруссами и новой крѣпкой организаціей, которая съ сознательною и систематическою нетерпимостью вытѣсняла славянской элементъ въ своихъ владѣніяхъ¹⁾. При такихъ обстоятель-

1) Въ своихъ земляхъ Тевтонскій орденъ на первыхъ же порахъ не допускалъ, чтобы поморяне (какъ и поляки) пользовались правомъ пріобрѣтать недвижимую собственность. Въ 1236 г. 29 января, т. е. ранѣе того времени, когда становится замѣтенъ разладъ между Святополкомъ и орденомъ, прусскій ландмейстеръ Тевтонскаго ордена Германъ Балкъ позволяетъ Дитриху Дипену и его наслѣдникамъ продавать кому угодно пожалованный замокъ Малый Квединъ, только не поляку и не поморянину. Грам. Герм. Балка (P. U., № 53, p. 46): hoc autem addicimus, ut si ipse vel heredes suorum voluerint ea vendere, vendat libere, cui vult, preterquam Polono seu Pomerano. Что были затрудненія въ продажѣ (и всякой передачѣ) поморянину не только укрѣпленнаго мѣста, но и вообще недвижимой собственности, это можно усматривать изъ

ствахъ религіозное усердіе, благодаря которому Святополкъ самъ сталъ въ ряды крестоносцевъ въ помощь ордену, скоро уступило мѣсто недовольству, разочарованію и, наконецъ, непріязни по отношенію къ рыцарямъ. Тѣ вѣсти, которыя доходили до него объ отношеніи рыцарей къ побѣжденнымъ, могли только усилить въ немъ новое настроеніе¹⁾.

соглашенія между Тевтонскимъ орденомъ и пруссами въ 1249 г., заключеннаго при посредничествѣ папскаго легата. Грам. архид. Іакова 1249 г. 7 февраля (P. U., № 116, p. 106): concesserunt . . . predicti fratres . . . quod licitum sit eisdem pro necessitate sua vel pro sua eciam utilitate immobilia bona sua vendere paribus suis vel Teutonicis sive Prutenis, sive Pomeranis.

1) Объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ окончательному разрыву между Святополкомъ и Тевтонскимъ орденомъ, прусская хроника Луки Давида (Lucas David, Preussische Chronik, III B., Königsberg, 1813; S. 13—15) сообщаетъ слѣдующее:

Подчинивъ пруссовъ, орденъ сталъ принуждать ихъ къ постройкѣ крѣпостей въ ихъ странѣ, которыя бы служили опорными пунктами его владычества. Принужденіе бѣдныхъ пруссовъ къ этой работѣ не имѣло границъ; они, по выраженію хроники, не имѣли покоя ни днемъ, ни ночью. Но такое обращеніе было нарушеніемъ обѣщанія, даннаго самими же рыцарями: дѣло въ томъ, что когда рыцари и союзный съ ними Святополкъ сдѣлали нашествіе на землю пруссовъ, то послѣдніе послѣ нѣкотораго сопротивленія рѣшили сдаться, но на условіи оставленія имъ свободы, и Святополкъ былъ свидѣтелемъ и посредникомъ состоявшагося соглашенія. Теперь, находясь въ тяжеломъ положеніи, пруссы шлютъ пословъ къ Святополку съ просьбою о заступничествѣ. Святополкъ дѣйствительно черезъ своихъ пословъ ходатайствовалъ предъ орденомъ объ оказаніи справедливости притѣняемому, но безуспѣшно. Тогда онъ по просьбѣ пруссовъ отправилъ своихъ пословъ въ Римъ къ папѣ, надѣясь здѣсь возбудить сочувствіе къ угнетаемымъ. Но по роковому стеченію обстоятельствъ по смерти папы Григорія IX (1241) новоизбранный папа Целестинъ прожилъ послѣ выборовъ только 18 дней, а по его смерти престолъ папскій оставался вакантнымъ въ теченіе 21 мѣсяца (1241—1243). Коллегія кардиналовъ по настоянію прокуратора ордена не оказала поморскимъ посламъ сочувствія, и они безъ всякаго успѣха возвратились назадъ. Притѣненія пруссовъ продолжались, и они опять обратились къ Святополку: онъ былъ посредникомъ и свидѣтелемъ между Тевтонскимъ орденомъ и пруссами; знаетъ, что имъ обѣщано было, и какъ съ ними теперь несправедливо поступаютъ. Святополкъ ясно понималъ, что его вмѣшательство въ это щекотливое дѣло въ высшей степени непріятно ордену; ему очень хотѣлось бы избѣгать тѣхъ

Не останавливаясь на подробномъ изложеніи хода войны между Святополкомъ и Тевтонскимъ орденомъ, можно отмѣтить въ ней четыре періода¹⁾.

Первый періодъ характеризуется полнымъ успѣхомъ ордена. Лишь вначалѣ, лѣтомъ 1242 года, одновременныя дѣйствія Святополка и возставшихъ пруссовъ заставили рыцарей искать убѣжища въ наиболѣе крѣпкихъ бургахъ (Эльбингѣ, Балгѣ, Кульмѣ, Реденѣ и Торнѣ), изъ которыхъ они дѣлали по временамъ удачныя вылазки²⁾. Для рыцарей ордена былъ очень выгоденъ союзъ съ князьями польскими: Конрадомъ Мазовецкимъ и его тремя сыновьями: Болеславомъ Мазовецкимъ, Казимиромъ Куявскимъ и Земовитомъ³⁾. Союзники овладѣваютъ Вышеградомъ, отнимаютъ Накло⁴⁾ и дѣлаютъ опустошительное

нареканий, какія могло бы вызвать со стороны ордена его вторичное заступничество. Но положеніе пруссовъ было безвыходно, они умоляли его сжалиться надъ ихъ участью, разъясняя ему, что ихъ положеніе — положеніе крѣпостныхъ, и что они предпочли бы смерть такой жизни. Тронутый ихъ мольбами, Святополкъ отправился лично къ ландмейстеру ордена или его намѣстнику ходатайствовать за несчастныхъ. Результатъ вышелъ худшимъ, чѣмъ, можетъ быть, предполагалъ Святополкъ. Ландмейстеръ, человекъ надменный и вспыльчивый, не только не выѣлъ ходатайству, но и самого князя обозвалъ крамольникомъ и измѣнникомъ. Это-то и послужило, по мнѣнію автора хроники, ближайшею причиною войны.

Несмотря на очень позднее происхожденіе хроники (XVI в.), приведенный разсказъ не лишень нѣкоторой вѣроятности. Авторъ ея, родомъ изъ Пруссіи и бывший на службѣ тамъ же у герцога Альбрехта, съ любовью и большимъ усердіемъ изучалъ исторію своей страны; отличительными качествами его, какъ историка, Тѣпшенъ считаетъ патріотизмъ, критическую самостоятельность и добросовѣстное, ревностное занятіе наукою. *Töppen, Geschichte der preussischen Historiographie, Berlin, 1853, S. 230.*

1) Ewald, *Die Eroberung Preussens durch die Deutschen*, B. II, S. 77 ff.

2) Таково предпріятіе Дитриха Бернгейма, имѣвшее своимъ результатомъ взятіе поморской крѣпости Сартовица. *Exord. ord. crucifer.*, с. 21 (*Mon. Pol.*, VI, p. 301—302).

3) Грам. 1242 года 20 сент. P. U., № 78, p. 65—66.

4) Накло Святополкъ удерживалъ съ 1239 г., когда умеръ Владиславъ Одоничъ.

нашествіе на Поморье. Святополкъ вынужденъ былъ просить мира и даже отдать рыцарямъ въ числѣ заложниковъ своего старшаго сына Мстивоя¹⁾.

Второй періодъ войны отличается ббльшимъ успѣхомъ Святополка. Онъ переноситъ театръ военныхъ дѣйствій въ Хельминскую землю, надѣясь, быть можетъ, освободить своего сына изъ рукъ рыцарей, и здѣсь наноситъ страшное пораженіе рыцарямъ, напавшимъ на него у Рензенскаго озера²⁾. Ордену опять пришлось искать помощи въ Польшѣ и другихъ странахъ; результатомъ его стараній былъ тѣсный союзъ съ Казимиромъ Куявскимъ и двумя младшими поморскими князьями (Самборомъ и Ратиборомъ)³⁾, а также прибытіе на помощь рыцарямъ нѣсколькихъ отрядовъ изъ Германіи (Марки, Мишны, Тюрингіи). Это привело къ перемирію⁴⁾.

Третій періодъ борьбы начинается наступательнымъ дѣйствіемъ Святополка противъ Куявіи, но и съ орденомъ не могло установиться мирныхъ отношеній, такъ какъ рыцари не исполняютъ самаго важнаго для Святополка условія — не отдаютъ ему его сына⁵⁾. Теперь Святополкъ принимаетъ мѣры для того, чтобы господствовать безраздѣльно надъ всѣмъ теченіемъ Вислы; съ этою цѣлю онъ укрѣпляетъ прибрежные грады: Сантиръ (на сѣверѣ) и Швець (на югѣ). Происходитъ нѣсколько стычекъ съ переменнымъ успѣхомъ⁶⁾. Военныя дѣйствія не прекращаются

1) Exord. ord. crucif., c. 22 (Mon. Pol., VI, p. 302). Dusb., Cron., p. III, c. 39 (Script. rer. pruss., I, p. 72).

2) Dusb., Cron., p. III, c. 40 (Script. rer. pruss., I, p. 73).

3) Грам. ландмейстера Генриха Вида 1243 г. P. U., № 79, p. 66—67.

4) Dusb., Cron., p. III, c. 45 (Ser. rer. pruss., p. 76).

5) Dusb., Cron., p. III, c. 45 (Ser. rer. pruss., I, p. 77). Слова Святополка: reddatis mihi filium meum, si vultis habere pacem mecum.

6) Exord. ord. crucif., c. 25 (Mon. Pol., VI, p. 304). Dusb., Cron., p. III, c. 46 и сл. (Ser. rer. pr., I, p. 77).

не смотря на то, что папа энергично сталъ на сторону ордена и издалъ нѣсколько буллъ, сначала очень суровыхъ по отношенію къ Святополку¹⁾, потомъ болѣе безпристрастныхъ²⁾. Въ Поморье вторгаются рыцари съ союзными отрядами и, свирѣпствуя здѣсь въ теченіе 9 сутокъ, передають все страшному опустошенію³⁾. Начинаясь немного отстраиваться и приводить свое хозяйство въ порядокъ послѣ языческаго нашествія, Оливскій монастырь послѣ этого посѣщенія крестоносцевъ представлялъ груды обгорѣвшихъ развалинъ⁴⁾. Попытка Святополка отнять у непріятеля награбленную добычу, несмотря на успѣхъ отдѣльныхъ стычекъ, кончилась неудачно: битва поморянъ съ закованными съ ногъ до головы въ желѣзо рыцарями была слишкомъ неравною⁵⁾.

Послѣ этого въ четвертомъ періодѣ происходятъ усиленные мирные переговоры при дѣятельномъ участіи церкви. Переговоры длятся очень долго и даже изрѣдка прерываются вооруженными столкновеніями, главнымъ образомъ вслѣдствіе упорнаго нежеланія рыцарей возвратить Мстивоя; а между тѣмъ это именно условіе Святополкъ выдвигаетъ прежде всего. Третьейскіе судьи, избранные враждующими сторонами, въ видахъ дѣйствительнаго водворенія мира стараются убѣдить рыцарей возвратить наконецъ поморскому князю его сына. Фульконъ, архіепископъ Гнѣзненскій, и Гейденрихъ, епископъ Кульмскій, постано-

1) 4 буллы Иннокентія IV 1 февр. 1245 (Святополку, доминиканцу Генриху, Тевтонскому ордену и архіепископу Гнѣзненскому). P. U., № 81, 82, 83, 84, p. 68—71.

2) Буллы аббату Оинзо 1245 г. 11 и 14 окт. P. U., № 89—90, p. 78—79.

3) Dusb. Cron., p. III, c. 55 (Scr. rer. pruss., I, p. 81): *potenter et hostiliter pertranseundo IX diebus et noctibus vastaverunt sic quod non erat in ea angulus aliquis, quem non rapina et incendio visitassent.*

4) Exord. ord. crucif., 25 (Mon. Pol., VI, p. 304).

5) Dusb., Cron., III, c. 55 (Scr. rer. pruss., I, p. 81—82).

вившіе въ 1247 году третейское рѣшеніе, такъ заявляютъ въ своей грамотѣ: „Желаемъ и постановляемъ, чтобы братья (Тевтонскаго ордена) безъ какого либо обмана или хитрости какъ можно скорѣе возвратили князю его сына; и пусть двое изъ нихъ дадутъ обѣщаніе насчетъ этого за свой орденъ“¹⁾. Но только черезъ годъ папскому легату архидіакону Іакову, прибывшему на берега Вислы съ большими полномочіями отъ апостольскаго престола, удалось побудить рыцарей освободить Мстивоя. Послѣ этого подписанъ былъ мирный договоръ между Святополкомъ и Тевтонскимъ орденомъ въ Пруссіи съ подробными условіями соглашенія (24 ноября 1248 года)²⁾.

Устанавливая миръ между Святополкомъ и Тевтонскимъ орденомъ, архидіаконъ Іаковъ, по жалобѣ Самбора и Ратибора, счелъ своею обязанностью заступиться за младшихъ братьевъ. Онъ потребовалъ отъ Святополка, чтобы тотъ возстановилъ братьевъ въ ихъ владѣніяхъ или представилъ на разсмотрѣніе третейскаго суда удовлетворительныя объясненія своего образа дѣйствій по отношенію къ младшимъ братьямъ. Святополкъ съ видимою неохотою относился къ указаніямъ легата въ этомъ дѣлѣ. Легатъ настаивалъ, чтобы Святополкъ отпустилъ на свободу Ратибора, находившагося въ плѣну, не позже 6 декабря, а для разбора дѣла между братьями назначилъ послѣднимъ срокомъ 7 декабря. Къ этому числу въ Торнѣ долженъ былъ прибыть Святополкъ или его уполномоченный. До разбора дѣла Святополкъ не отпустилъ Ратибора, а въ Торнѣ послалъ въ качествѣ своего уполномоченнаго своего капел-

1) P. U., № 96, p. 83: Volumus etiam et mandamus ut fratres predicto duci restituant filium suum, sicut cicius possunt, nulla fraude vel dolo adhibito et hoc duo ex eis per ordinem suum promittant.

2) Грам. вицеландмейстера Генриха и князя Святополка. P. U., № 110, p. 93—96. Грам. архидіакона Іакова, папскаго легата. Ib., № 111, p. 96—99.

лана Марола и при немъ Даргослава. Мароль представилъ легату письмо Святополка слѣдующаго содержанія :

„Досточтимому во Христвѣ отцу и господину Іакову, архидіакону Люттихской церкви, капеллану и легату апостольскаго престола. Когда я разставался съ Вами, Вы поручили мнѣ возвратить до праздника св. Николая моему брату Самбору его владѣнія или же на другой день праздника дать Вамъ въ Торнѣ письменныя объясненія его преступленій. Тяжело мнѣ оглашать позорныя дѣянія моего брата; но я долженъ рассказать Вамъ слѣдующее.

Отецъ мой, находясь на смертномъ одрѣ, поручалъ мнѣ моего брата съ его землею съ тѣмъ, чтобы я до 20 лѣтъ имѣлъ надъ нимъ попеченіе и управлялъ его землею, какъ своею собственною. Я не соглашался. Но отецъ сказалъ: „сынъ мой! будь достоинъ той любви, какую я всегда любилъ тебя“. Я не могъ противиться просьбамъ отца, и принялъ брата на свое попеченіе. Ему затѣмъ отецъ сказалъ: „тебѣ строго приказываю, чтобы ты повиновался старшему брату во всемъ, какъ и мнѣ самому; если этого не будешь дѣлать, — я скоро призову тебя предъ Судію живыхъ и мертвыхъ“.

Я заботился о братѣ въ теченіе 12 лѣтъ, насколько могъ лучше; на 13-ый годъ я по-братски предоставилъ ему его долю. Принявъ власть, онъ вошелъ въ союзъ съ пруссами — къ моей скорби и униженію. Ему захотѣлось имѣть супругой дочь одного Прусса, по имени Прерохъ — къ позору моего отечества. Онъ приказалъ своимъ шляхтичамъ тайно пропускать черезъ его землю пруссовъ, чтобы они грабили мою землю; при этомъ одинъ шляхтичъ, по имени Свойвратъ, сочувствуя бѣдствіямъ христіанъ, отклонялъ его, сказавъ: „не годится такъ дѣлать по отношенію къ законному владѣтелю и верховному государю“. Послѣ этихъ словъ братъ отъ стыда сталъ скрывать подобныя поступки, но втайнѣ не переставалъ опустошать землю.

Потомъ онъ вошелъ въ соглашеніе съ однимъ нѣмцемъ

Шпиценагелемъ; этотъ нѣмецъ взялся за значительныя помѣстїя, обѣщанныя братомъ, пригласить меня съ моими панами на свое судно и угостить, а во время угощенїя предполагалось поднять паруса и увезти меня плѣнникомъ въ чужїя земли. Это не удалось. Тогда онъ самъ съ нѣкоторыми другими злоумышленниками хотѣлъ меня схватить тамъ же. Не успѣвъ и въ этомъ, онъ возбудилъ раздоръ между моими панами, чтобы хотя такимъ образомъ повредить мнѣ. Затѣмъ онъ послалъ ко мнѣ магистра Германна Балка, черезъ котораго пообѣщаль мнѣ братскїй миръ. Онъ поссорилъ меня съ братьями Тевтонскаго ордена; чтобы отвести мнѣ глаза, онъ говорилъ мнѣ въ присутствїи палатина Гнѣвомира: — „Братецъ! я для того представляюсь дружнымъ съ Тевтонскимъ орденомъ, чтобы раскрывать тебѣ ихъ козни по отношенїю къ тебѣ: вотъ я узналъ, что они задумали строить противъ тебя градъ Пренославъ“. — Таковы были его рѣчи, чтобы тѣмъ вѣрнѣе посѣять раздоръ между мною и братьями ордена. Потомъ онъ съ братьями ордена сталъ строить градъ Горедень, ко вреду всего Поморья, и, собравъ противъ меня войско, засѣлъ въ этомъ градѣ вмѣстѣ съ названными братьями. Но это войско было сокрушено — не моею силою, а праведнымъ судомъ Божїимъ. Я приступилъ къ этому граду, по волѣ Божїей взялъ его твердыни и — хотя могъ воздать зломъ за зло — отпустилъ на свободу брата и бывшихъ съ нимъ. Онъ оставилъ собственную землю и прилѣпился къ названному орденскимъ братьямъ — все для того, чтобы вредить мнѣ. Въ этомъ онъ не много успѣлъ, а потому пошелъ въ Кашубїю и, насколько могъ, опустошалъ мою землю съ помощїю Кашубовъ“.

„Затѣмъ онъ уговорился съ моимъ братомъ Ратиборомъ взять мой градъ Сланецъ, но прежде чѣмъ они соединились, Самборъ попалъ въ руки моихъ шляхтичей. Онъ содержался въ названномъ градѣ плѣнникомъ; въ Великую пятницу я, какъ братъ, пожалѣлъ его и, созвавъ моихъ

шляхтичей, ради праздника Пасхи возвратилъ ему его владѣнія. Спустя 2 недѣли онъ, въ присутствіи монаховъ-цистерціанцевъ, премонстрантовъ и доминиканцевъ, также и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, присягнувъ, что отказывается отъ собственной земли, если впредь въ чемъ нибудь выступить противъ меня. Но все это оказалось напраснымъ, и онъ до Вашего прибытія постоянно оставался моимъ врагомъ“.

„Ратиборъ, мой братъ, въ началѣ войны при содѣйствіи епископа Куявскаго и Самбора сильно укрѣпилъ свой градъ Бѣлградъ; съ своимъ войскомъ онъ вошелъ въ мою Столпенскую землю и, занявъ ее, ограбилъ все цѣнное. Но при содѣйствіи Того, Кто всегда на сторонѣ несправедливо угнетенныхъ, я взялъ этотъ градъ и сжегъ. Тогда Ратиборъ, видя, что не можетъ меня осилить, въ раскаяніи попросилъ у меня прощенія, и я, по чувству милосердія, отдалъ ему его владѣнія. Потомъ онъ вступилъ въ заговоръ съ епископомъ Куявскимъ, съ Самборомъ и князьями Польши. Планъ ихъ состоялъ въ слѣдующемъ: эти князья должны были строить градъ въ моей землѣ, и когда я старался бы изгнать ихъ съ этого мѣста, Ратиборъ долженъ былъ напасть на меня съ тылу и взять въ плѣнъ или убить. Участникъ этого заговора и измѣнникъ, онъ былъ задержанъ моими людьми, когда проходилъ чрезъ мою землю, — и сознался во всемъ. — Такъ Отецъ щедротъ, видя мою невинность, предохранилъ меня“.

Архидіаконъ Іаковъ призналъ это письмо Святополка не заслуживающимъ уваженія, а Марола — не имѣющимъ надлежащихъ полномочій. Святополкъ былъ объявленъ упорствующимъ (*contumax*)¹⁾ и отлученъ отъ общенія церковнаго²⁾.

1) Грамота Михаила, еписк. Куявскаго, и Гейденриха, еписк. Кульмскаго, 1248 г. 8 декабря. Р. У., № 113, р. 100—103.

2) Грам. архидіакона Іакова 1248 г. 8 декабря. Р. У., № 114, р. 103—105.

Святополкъ однако скоро примирился съ братьями при посредничествѣ того же легата ¹⁾, отдалъ имъ ихъ владѣнія и былъ прощенъ церковью ²⁾. Самборъ по прежнему продолжалъ интимную связь съ Тевтонскимъ орденомъ. Въ 1251 году, 7 декабря, онъ передаетъ рыцарямъ за прежнее ихъ содѣйствіе въ борьбѣ противъ брата въ полную собственность островъ Сантиръ; рыцари и прежде стремились овладѣть этою важною мѣстностью, но тогда Самборъ боролся противъ ихъ притязаній ³⁾. Теперь онъ (вѣроятно, по соглашенію съ орденомъ и для удобства послѣдняго) утверждаетъ совсѣмъ другое.

„Нѣкоторые говорятъ“, заявляетъ онъ въ своей грамотѣ, „что островъ Сантиръ, которымъ уже долго владѣть Тевтонскій орденъ въ Пруссіи, принадлежитъ или долженъ принадлежать намъ, тогда какъ мы никогда не были въ законномъ владѣніи имъ (*nunquam in ejusdem possessione fuerimus cognati*); поэтому мы отказываемся отъ всякаго нашего права, которое мы должны имѣть или яко бы должны имѣть, довольствуясь двумя милями въ длину и двумя въ ширину; это пожаловали намъ магистръ и братья ордена въ помощь для постройки града нашего Горедена“. Но

1) Грам. Бертога, гвардіана миноритовъ 1252 г. 6 іюня (P. U., № 139, p. 120—121): *Jacobus archidiaconus . . . Swantopulcum ducem Pomeranie cum . . . Samborio duce Pomeranie fratre dicti nobilis uterino discordantem reduxit ad concordie unitatem.*

2) Папа Иннокентій IV, подтверждая 22 окт. 1249 г. договоръ Тевтонскаго ордена съ Святополкомъ, уже называетъ послѣдняго „возлюбленнымъ сыномъ“: *dilectus filius nobilis vir Swantopolkus dux Pomeranie.* P. U., № 120, p. 108.

3) Булла папы Григорія X 1275 г. 5 февраля (P. U., № 268, p. 222): *Olim inter vos (т. е. рыцарями Тевтонскаго ордена) ex una parte et nobilem virum Samborium ducem Pomeranie ex altera super insula de Santir . . . fuisset diutius litigatum, tandem inter partes mediante legato . . . super dicta insula compositio intervenit, prout in litteris inde confectis plenius dicitur contineri.* Упоминаемая здѣсь грамота не сохранилась.

и эти 4 кв. мили могли быть выкуплены орденомъ за 150 марокъ во всякое время¹⁾.

Самбору приходилось расплачиваться за помощь, полученную нѣкогда для борьбы со старшимъ братомъ, отдачею земель не съ однимъ только Тевтонскимъ орденомъ: и у епископа Куявскаго были заемныя письма Самбора, въ которыхъ послѣдній давалъ обязательство выплатить сполна известную сумму если не деньгами, то уступкою вотчинъ²⁾. Уступка имѣній епископу не могла имѣть преступнаго характера въ глазахъ верховнаго государя Поморья. Святополку не чуждо было господствовавшее тогда мнѣніе о душеспасительности матеріальныхъ жертвъ на пользу церкви. Иной характеръ имѣли земельныя сдѣлки Самбора съ Тевтонскимъ орденомъ. Если имѣнія епископа въ Поморьѣ, хотя надѣляемые большими льготами, не выходили изъ подъ верховной власти князя, то отчужденія земель, которыя дѣлалъ Самборъ въ пользу Тевтонскаго ордена въ Пруссіи, были невозвратимыми урѣзками территоріи государства, цѣлость которой Святополкъ всегда защищалъ всѣми силами.

Происшедшей теперь полной потери Сантира Святополкъ не снесъ: Самбору пришлось бѣжать, а Сантиръ былъ занятъ

1) Грам. Самбора 1251 г. P. U., № 134, p. 117.

2) Грам. Самбора 1243—1250 г. (P. U., № 123, p. 110): *in articulo necessitatis mee ab prefato domino nonaginta marcas argenti sub pacto hujus condicionis accomodavi, quod vel quantitatem eiusdem pecunie in sinum ipsius deberem plenarie refundere vel eandem collatione meorum patrimoniorum integraliter redimere.* Въ 1250 году Самборъ отдѣляетъ тому же Михаилу, епископу Куявскому, семь деревень въ уплату долга въ 300 марокъ, при чемъ свидѣтелемъ при этой сдѣлкѣ является ландмейстеръ Тевт. ордена Людовикъ. Грам. Самбора 1250 г. (P. U., № 124, p. 111): *dictus venerabilis pater episcopus trecentas marcas argenti Polonialis ponderis contulit pro villis subscriptis . . . , quas ei et ecclesie sue venditionis titulo cum omni jure, proventibus spiritualibus et temporalibus in perpetuum libere ac pacifice contulimus possidendas.* Грам. ландмейстера Людовика 1250 г. lb., № 125, p. 112.

Святополкомъ. Снова начались обоюдныя опустошительныя вторженія сосѣдей: рыцари ордена проникають 25 января 1252 года до Гданска, избиваютъ множество поморянъ, грабятъ Оливскій монастырь¹⁾. Въ свою очередь Святополкъ вступаетъ въ Помезанію, наноситъ тамъ убытки, — и фактъ этого набѣга предусмотрительные братья ордена считаютъ полезнымъ формально удостовѣрить²⁾. Не безъ связи, конечно, съ этимъ удостовѣреніемъ появилась вскорѣ грозная по отношенію къ Святополку булла папы Иннокентія IV³⁾.

Святополкъ зналъ силу Тевтонскаго ордена, когда за орденомъ стоялъ глава христіанскаго міра; ему оставалось только уступить. 30 іюля 1253 года онъ подтвердилъ условія прежняго мирнаго договора (отъ 24 ноября 1248 г.); кромѣ того онъ принужденъ былъ прибавить слѣдующее: „если мы нападёмъ на землю братьевъ ордена съ 100 и болѣе всадниками или войдемъ въ тайный или явный союзъ противъ нихъ съ какими нибудь язычниками или христіанами, то пусть перейдетъ въ ихъ власть градъ Гданскъ и земля со всѣмъ, что сюда относится, а мы отказываемся отъ всякаго права на него, какое мы имѣемъ; тѣмъ не менѣе мы должны будемъ въ видѣ на-

1) Exord. ord. crucif., c. 25 (Mon. Pol. VI, p. 304): Anno domini MCCLII in conversione beati Pauli a predictis fratribus et eorum hominibus multitudine Pomeranorum non pauca fuit interfecta et Olyva iterum rebus omnibus fuit spoliata.

2) Грам. Бертора, гвардіана миноритовъ 1252 г. 6 іюня (P. U., № 139, p. 121): Prochdolor ipse Swantopulcus inmemor sue salutis associata sibi multitudine paganorum terram fratrum manu armata invadens contra formam composicionis firmate parcium sacramento neophitos sub ipsorum fratrum dominio constitutos abducens et plures captivans magnam partem terre Pomezanie ignibus concremavit, insuper in predis animalium et in aliis rebus dampna plurima irrogavit. Horum gestorum testes sumus et tamquam notoria ea esse universis et singulis presentibus declaramus et frater Stephanus socius noster. Datum apud Thorun (слѣдоват., въ Кульмской землѣ, а не въ Помезаніи).

3) P. U., № 144, p. 123—124.

казанія за несоблюденіе нами договора уплатить имъ 2000 марокъ“¹⁾. Этотъ договоръ былъ окончательнымъ; дальнѣйшихъ столкновеній у Святополка съ Тевтонскимъ орде- номъ не происходило.

На склонѣ жизни Святополку пришлось вести еще двѣ войны, — и обѣ успѣшно. Первая (1255—1256 г.) завязалась съ Польскими князьями (Премыслемъ и Болеславомъ, сыновьями Владислава Одонича, и Казимиромъ Куявскимъ, получившими помощь отъ Болеслава Стыдливаго, князя Краковскаго, и Земовита Мазовецкаго) изъ-за Накло. Она кончилась полнымъ миромъ: по заключеніи договора бывшіе враги оставили свои укрѣпленныя мѣста и въ знакъ примиренія обмѣнялись дружественными поцѣлуями²⁾.

Другая война начата была въ 1259 г. Вартиславомъ Дыминскимъ (въ Западномъ Поморьѣ); онъ задумалъ отнять у Святополка область у Славно (Schlawe) и Столпа (Stolp), которою уже около 20 лѣтъ владѣлъ Гданскій князь, хотя и безъ всякаго права — по мнѣнію западно-поморскихъ князей³⁾. Несмотря на то, что у Вартислава, имѣвшаго въ числѣ союзниковъ польскаго князя Болеслава

1) Грам. Святополка 1253 г. (P. U., № 153, p. 129): Si nos deinceps terram predictorum magistri et fratrum cum centum viris equitibus vel pluribus hostiliter invaserimus vel fedus societatis occulte vel manifeste cum aliquibus paganis vel christianis inierimus contra ipsos, castrum Danense et terra cum pertinentiis omnibus ad predictorum fratrum dominium devolvatur, cedentes omni juri, quod in ipsis habere dinoscimur vel habemus, soluturi nichilominus duo milia marcarum, que jam nomine pene pro eo, quod compositionem inter nos initam non observavimus supradictis fratribusolvere deberemus.

2) Boguphali Chron. Polon. cum continuatione Pasconis, cap. 111—115 (Mon. Pol., II, p. 574—576): Inter castrum vetus et novum convenientes inermes oscula sibi invicem prebuerunt.

3) Грам. князей Барнима Щетинскаго и Вартислава Дыминскаго 1253 г. 8 іюля (P. U., № 151, p. 127): clauastro Bucowe (къ западу отъ Славно, въ мѣстности подвластной Святополку) cujus loci proprietas ad nostrum dominium dinoscitur pertinere.

Благочестиваго и епископа Каменскаго¹⁾, было гораздо больше войска, Святополкъ сумѣлъ заставить его прекратить войну.

1) Рассказывая о походѣ Вартислава въ Восточное Поморье, Башко и Длугошъ говорятъ только объ одномъ епископѣ, сопровождавшемъ Вартислава; но Башко называетъ его епископомъ Каменскимъ, тогда какъ Длугошъ — Куявскимъ. Бартольдъ считаетъ безспорнымъ участіе обоихъ епископовъ въ походѣ. По его мнѣнію, Германъ, епископъ Каменскій, шелъ съ войскомъ, соблазняясь предстоящимъ расширеніемъ епископской области, а Волимиръ, епископъ Куявскій, — по непримиримой враждѣ къ Святополку. Barthold, Geschichte von Rügen und Pommern, В. II, S. 498—499.

Самымъ достовѣрнымъ источникомъ является показаніе Башка, писавшаго не позже 40 лѣтъ спустя послѣ событій. Конечно, и свидѣтельство Длугоша († 1480) заслуживало бы нѣкотораго вниманія, но только тогда, если бы онъ въ данномъ мѣстѣ говорилъ объ участіи обоихъ епископовъ или по крайней мѣрѣ, говоря объ участіи епископа Куявскаго въ походѣ, отвергаль бы участіе епископа Каменскаго. Но то обстоятельство, что Длугошъ, пользуясь хроникой Башка, замѣняетъ одного епископа другимъ, приводитъ къ убѣжденію, что онъ вмѣсто слова *Caminensis* ошибочно прочелъ *Cuiavienensis*; а зная, что Куявскимъ епископомъ былъ въ то время Волимиръ, онъ естественно привелъ и имя епископа. Относящіяся сюда тексты:

BOGUPH. CHRON. CUM CONTINUATIONE PASKONIS, c. 125.

Warcislaus . . . cum exercito Polonorum, quem dux Boleslaus Poloniae in subsidium destinavit, et cum episcopo Caminensi contra Swanthopelcum ducem Pomoruae processit. Et veniens circa Slup, qui alio nomine vocatur Stolp, dimisso episcopo et exercitu ejus et quibusdam suis militibus non paucis in stationibus, ut res suas et Polonorum ac clientelam ibidem dimissam custodirent propugnantes, solus cum exercitu magno terram Swanthopelei animose vastavit. Sed Swanthopelcus potentiae suae resistere non valens, in stationes irruit, et episcopum cum suo exercitu devictum fugavit: plurimos militum et servitores ar-

DLUG., LIB. VII, p. 754—755.

Warcislaus . . . habens Boleslai ducis Calissiensis gentium et militum expeditorum auxilia, . . . habens insuper in suo comitatu episcopum Cuiaviensem Volmirum . . . in terram Pomeraniae . . . hostiliter ingrediuntur . . . In Slup autem Warcislaus perveniens, ut expeditius vastationem terrae hostilis promoveret, impedimenta et sarcinas, ac pro custodia illarum episcopum Cuiaviensem cum aliqua parte copiarum in statuis Slupensibus relinquens, ipse cum delectis et expeditis militibus ad vastandum ire pergit . . . Quo Swantopelk comperto . . . reputans cum (Warcislae) decernere periculosum . . . ipse in episcopum Cuiaviensem et milites . . . a Warcislae relictos

Мужественно защищая независимость Поморья и неприкосновенность его территории, Святополкъ вмѣстѣ съ тѣмъ заботился о поддержаніи и развитіи мирныхъ торговыхъ сношеній съ другими народами. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны его грамоты городу Любеку¹⁾. Въ самомъ началѣ своего княженія онъ облегчаетъ пошлины для Любекскихъ купцовъ и старается уничтожить въ своемъ государствѣ береговое право, которое почти повсюду въ средніе вѣка въ случаѣ кораблекрушенія примѣнялось съ варварскою жестокостію. Свое намѣреніе Святополкъ осуществляетъ постепенно. Сначала, дѣлая нѣкоторую уступку духу времени, онъ устанавливаетъ опредѣленный налогъ съ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе у береговъ Поморья. Но уже и эта мѣра на берегахъ Поморья была новою и неслышанною²⁾. Въ 1248 году Святополкъ особою грамотою объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что онъ не только не позволитъ въ своей землѣ причинять какія-либо неудобства потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, но что онъ, сочувствуя ихъ несчастію, озаботится скорѣе объ оказаніи имъ помощи³⁾. Черезъ пять лѣтъ тоже въ особой грамотѣ

morum occidit et quosdam captivavit. Et acceptis multis spoliis et captivis, recessit illaesus.

cum gentibus irruit, et incautos opprimens et debellans episcopo Cuiauiensi cum paucis fuga elapso, caeteros omnes aut occidit aut captivat, omnibusque spoliis potitus, priusquam a Warczislao et ejus exercitu opprimi posset . . . se recepit.

1) Р. У. № 33, р. 29—30; № 74, р. 61—62; № 200, р. 168.

2) Грам. Святополка городу Любеку 1220—1227 г. (Р. У., № 33, р. 29): nostrorum violantes statuta predecessorum et vestre in omnibus satisfaciendes voluntati vobis dignum duximus intimandum de libertate hactenus inaudita quam promittimus navibus fines christianos petentibus et ab isdem ad propria revertentibus.

3) Грам. Святополка 1248 г. 30 января (Р. У., № 102, р. 87): scire volumus universos Christi fideles, quod nos omnibus navigantibus, quorum naves in nostro franguntur dominio, nullum penitus in bonis suis faciemus impedimentum nec per nostros fieri permittemus, sed potius ipsos compatientes turbacioni eorum studebimus promovere.

для всеобщаго свѣдѣнія онъ категорически объявляетъ, что потерпѣвшіе кораблекрушеніе сохраняютъ полное право на собственность, никому ничѣмъ не обязаны, исключая развѣ, если они наймутъ себѣ кого-либо для помощи; въ этомъ послѣднемъ случаѣ вознагражденіе производится по соглашенію¹⁾. То же самое, но въ другихъ словахъ повторяетъ Святополкъ уже въ послѣдніе годы жизни, налагая большой штрафъ на того, кто осмѣлился бы сколько-нибудь обидѣть потерпѣвшихъ несчастіе. Въ послѣдней грамотѣ по этому поводу даже вступительная часть текста (такъ называемая *агеуга*), обыкновенно самая безсодержательная часть документа, оживлена прекраснымъ историко-библейскимъ примѣромъ: „когда св. апостоль Павелъ и его спутники потерпѣли на морѣ крушеніе, то варвары оказали имъ немалое челоуѣколюбіе; отсюда видно, какъ недостойно было бы, если бы христіане въ дѣлахъ челоуѣколюбія оказались хуже и ниже, чѣмъ варвары и невѣрныя“²⁾.

Святополкъ умеръ 11 января 1266 года и похороненъ въ облагодѣтельствованномъ имъ Оливскомъ монастырѣ³⁾. Его энергія и военные таланты, разумная и послѣдовательная политика, хотя и встрѣтившая неодолимая препятствія, гуманность и сознание нужды своего государства безспорно

1) Грам. Святополка 1253 г. 31 іюля (P. U., № 154, p. 130): *noverit universitas vestra, quod omnibus navigantibus christianis et in littore nostro naufragium passis gratiam et libertatem talem contulimus, ut personas et res omnes, quas educere per se possint vel etiam per amicos, quos habere poterint, cum omni habeant libertate nec ulli in ullo respondeant inde, nisi ad auxiliandum sibi aliquos convenerint, sed secundum compromissam satisfaciant paccionem.*

2) Грам. Святополка 1263 г. 12 марта (P. U., № 200, p. 168): *Quoniam teste sancto apostolo in actibus naufragante tunc temporis eodem beato Paulo cum quibusdam sociis barbari non modicam humanitatem prestabant eisdem, unde iniquum valde videtur fideles barbaris et infidelibus in humanitatis operibus inferiores et in pares inveniri.*

3) *Liber mortuorum monasterii Pelplinensis* (Mon. Pol. IV, p. 66). *Tabula prima fundatorum: dum ruit hoc sidus, terno Jani fuit Jdus. Chron. Pasconis, c. 147* (Mon. Pol., II, p. 592).

дѣлають его выдающимся государемъ того времени и славнымъ дѣятелемъ Поморской исторіи. Не прошло и полувѣка послѣ кончины этого замѣчательнаго князя, какъ въ Гданскомъ градѣ уже развѣвалось знамя Тевтонскаго ордена; но въ странѣ и подъ суровымъ иноплеменнымъ владычествомъ не изгладился образъ Поморскаго князя-героя; о немъ сохранилась память въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, какъ о мудромъ и справедливомъ государѣ, защитникѣ сирыхъ и вдовыхъ и безстрашномъ воителѣ съ врагами Поморскаго государства¹⁾.

---

1) Tabula prima fundatorum. Monumenta Poloniae t. VI, p. 352.